

КСЮША
ИВАНОВА

ПОИГРАЙ
СО МНОЙ

Ксюша Иванова

Поиграй со мной

«Литнет»

2020

Иванова К.

Поиграй со мной / К. Иванова — «Литнет», 2020

Красавчик, умница, чистюля, педант (в хорошем смысле слова!), талантище, а к этому всему – сексуальный, щедрый, богатый, и еще много-много какой! И это всё Я! - проговариваю, глядя в зеркало на давно небритую рожу. Куда там я должен завтра ехать? В Тьмутараканск? На Кудыкину гору? Что там – привидение в «Храме искусства»? Полтергейст разбушевался? Или бабки на лавочке очередную басню сочинили? Но моему отцу, хозяину журнала «Сверхъестественное» нужна сенсация. И я ему ее достану! Ну и на деревенских телочек посмотрю...

© Иванова К., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

1 глава. Игорь. Пытка жаждой.	5
2 глава. Олеся.	9
3 глава. Игорь.	11
4 глава. Олеся	14
5 глава. Игорь	16
6 глава. Олеся.	18
7 глава. Игорь	20
8 глава. Олеся	22
9 глава. Игорь	25
10 глава. Олеся.	27
11 глава. Игорь	29
12 глава. Олеся	31
13 глава. Игорь.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

1 глава. Игорь. Пытка жаждой.

- Пи-и-ить... Пи-и-ить-ть...

Кто я? Что я? Су-у-ка-а... Что со мной?

- Рука-а... Где моя ру-ука?

Я не чувствовал правую руку. Совсем. Абсолютно. Неужели? Пашка. Бар. Виски. Танцы. Шмара в туалете. Виски. Водка. Виски. Танцы. Блядь. Что дальше? Пашка. Менты. Столб. Столб? Столб! Авария! ГДЕ. МОЯ. РУКА?

- Сергей, переверни этого... мудака. Руку себе отлежал скотина!

Это он обо мне? Кто здесь? Отец?

- Отец! Пи-ить!

Меня переворачивают, и в глазах медленно появляются очертания предметов и насмешливая морда отцовского водителя Сергея.

- Серёжа, принеси ему водички из-под крана, будь добр!

- Из фильтра...

Из-под крана! Совсем отец охренел - там же грязи ведро! Но на меня не обращают внимания, а когда Сергей появляется с бокалом полным холодной (видно по испарине на стенках стакана) воды, и я ее вижу... мне уже пофиг, где он её набрал - хоть в унитазе! Я тянусь к нему, к этому стакану, как к источнику жизни и даже причмокиваю от удовольствия, еще и не прикоснувшись!

- Стоп, Сергей, поставь во-от сюда, ко мне на столик. Все, можешь идти, я сам справлюсь! Спасибо тебе!

- Да не за что, Алексей Владимирович, всегда рад вам помочь...

Воду! Мою воду отдай! Сфокусировать взгляд на отце, сидящем в дальнем углу комнаты в моем любимом кресле, я не могу, как ни пытаюсь. Блядь, опять очки свои где-то потерял! Но это все - мелочи... Сейчас самое главное - вода. Нет, не так! ВОДА!!! Отец, задумчиво растягивая слова, произносит, обращаясь к так и не ушедшему Сергею:

- Ничего-о, ничего-о, сам приползет, пьянь безголовая!

Держась обеими руками за голову, я сажусь на постели. Комната бешено вращается.

- Во-от, - довольно продолжает отец, - я же говорил тебе, Сережа, сейча-ас... сейчас очухается. Потом запихнем его в душик, да под холодненькую водичку-то! Глядишь, через часок и протрезвеет.

- Ой, что-то я, Алексей Владимирович, сомневаюсь! Ой, что-то сомневаюсь...

А ты, скотина такая, не сомневайся, я приду в себя, морду тебе начищу, как пить дать, начищу! ПИТЬ!

- Блядь, дайте воды, изверги!

- Сынок, ты у нас кто? Ты у нас - человек культурный, образованный, грамотный, выражайся русским языком, пожалуйста, - это мне говорит тот, кто только что пьяню меня называл, да еще и безголовый!

- Ладно. Понял. Тебе нужно поговорить со мной. А мне в душ. Так?

- Правильно. Давай, сынок! И не вздумай свалить из квартиры по-тихому. Сережа, проследи!

Я, держась за стены, полосатые обои на которых упорно отказываются соблюдать закон параллельности прямых и норовят пересечься прямо перед моими глазами, ковыляю мимо отца в сторону ванны.

Голова начинает работать только тогда, когда выйдя из душа, где я минут пятнадцать не только истязал свое тело ледяной водой, но и напился вдоволь, яростно отстукивая чечетку зубами, и трясясь всем телом, я почувствовал запах кофе, доносящийся из кухни.

Отец все также восседает в моем кресле, попивая кофе из моей любимой кружки! Знает, зараза, что я терпеть не могу, когда берут мои вещи! Специально это делает, чтобы вывести меня из себя!

Невозмутимый Сережа ставит передо мной на прикроватную тумбочку чашку с кофе и выходит из комнаты. А отец начинает свою головомойку:

- Сколько можно, Гарик? Сколько можно пить и шататься по ночным барам? Сколько можно водить в квартиру шлюх?

Я скидываю голову - неужели привел? Вроде бы, там, в баре, в туалете оприходовал. Хотя... как домой добирался, я совершенно не помнил.

- Да-да, сынок, выпроводил отсюда одну... хм, а если бы я с мамой приехал? Она, кстати, собиралась. Представляешь, какую тут истерику она бы закатила? - в голосе отца, несмотря на суть произносимых им слов, я слышу нежность и бесконечную любовь к матери, этими чувствами всегда был наполнен наш дом... не то что тот, в котором я жил с Катей...

Ее имя больно отзывается в сердце, и я стараюсь отвлечься, вдуматься в речь, произносимую отцом, чтобы не вспоминать ее, свою жену. Бывшую, теперь уже.

- Ну, сколько можно? Полгода уже прошло! Полгода! Пора бы за ум взяться. Место для тебя в моем издании всегда будет. Его я не отдам никому – это да! Но дело же не в нем! Ты сам понимаешь, что суть журналистской профессии во многом сводится еще и к известности. Имя, которое у людей на слуху, привлечет к статье внимания гораздо больше, чем незнакомое, нераскрученное. Тебя начинают забывать! Ты понимаешь, что потеряешь всё, чего успел добиться в жизни? Ты понимаешь, что еще немного, и мне пора на пенсию будет? Кто вместо меня редактором станет? Если за голову не возьмешься, то Борюсик местечко отхватит! Он, хоть талантами и не блещет, работает, как та тягловая лошадь...

- Я не хочу возвращаться в редакцию.

- Почему? Вспомни, какие ты статьи писал! Целые расследования проводил.

Наш журнал назывался "Сверхъестественное" и специализировался на журналистских расследованиях всевозможных мистических, потусторонних историй, большая часть которых, конечно же, была выдумана. Остальные – основывались скорее на суевериях, слухах, домыслах, и простом отсутствии знаний. Я долгое время верил, что однажды я все-таки встречу что-то по-настоящему пугающее, иномирное, инопланетянское, или, на худой конец, немножечко таинственное. Но годы шли, и мне становилось скучно.

И вот однажды, в момент отсутствия вдохновения, который длился несколько месяцев, я вместе со своими друзьями-коллегами Владом и Германом нашел для себя развлечение. Дело в том, что порой, уезжая в далекие командировки куда-нибудь в захолустье или в таежную сибирскую деревню, мы брали с собой массу новомодных штучек, как-то – микрофоны, камеры, радиомаяки, портативный полиграф и многое другое, на что щедро выделялись средства моего папаши, одновременно являющегося и хозяином издательства, в котором печатался журнал и главным редактором самого журнала. В разделе «Страшно смешное» мы с ребятами решили помещать раз в неделю написанную каждым из нас троих статью, в которой будем рассказывать о том, как попробуем применять что-либо из нашего оборудования с кем-то из своих знакомых.

Влад испытывал на своей теще полиграф, и узнал, кроме всего прочего, что она трижды была замужем, носит панталоны с начесом, не была знакома с Лениным, а за глаза зовет его «Беляш» за блондинистый цвет волос. Статья удалась. Теща получила незабываемое удовольствие. Влад - премию.

Герман испытывал новую мощнейшую видеокамеру. На своей любовнице, за неимением жены. Видео, выложенное на специфическом канале для взрослых, набрало сколько-то тысяч лайков и Герман даже получал какие-то там откаты с рекламы канала. Статью, правда, запорол редактор.

Мне пришлось установить прослушку. Вот тогда-то я и узнал, что моя любимая красавица-жена мне изменяет. Об этом вместе со мной узнали десятки моих коллег. Положительной новостью тут было только то, что с каким-то хмырем она в постели вовсе не бревно, как со мной, - орала и стонала так, что звук шел с помехами... Хотя, может, это микрофоны херовые были...

Но пил я не только поэтому. Просто всё навалилось: Катька, пропавшее вдохновение, разочарование в профессии, в той теме, над которой я трудился столько лет, отец пилил, мать устраивала истерики, мне было тошно, скучно, одиноко, меня все раздражали... Нет, до классического запоя, когда употреблять начинаешь уже утром, дело не дошло. Пока. Но почти уже...

- Ты меня слушаешь?

- Что?

- Игорь, я уже полчаса тебе расписываю, что нужно поехать в прекрасный город Семикаракорск и кое-что расследовать.

- Тьмутараканск, - я, конечно, говорю шепотом, но у моего отца замечательный слух, подтвержденный ежегодно проходимой им, педантично следящим за своим здоровьем, медицинской комиссией, поэтому он продолжает, но в голосе отчетливо слышатся командирские сердитые нотки:

- Дело специфическое. Но помнится, тебе уже приходилось нечто подобное распутывать. В общем, ситуация такова. В местном Доме культуры происходят странные вещи. Началось все около года назад – что-то там, у кого-то пропало, но, как водится, списали на вора, а когда полиция ничего не нашла – ни вора, ни пропажи – замяли и забыли. Потом кто-то перепутал все ключи на вахте – не только не в те шкафчики рассовал, но и бирочки поменял...

- Бред какой-то... Просто шутки чьи-то! С чего ты взял, что это наш профиль?

- Слушай дальше. Это все – цветочки. Однажды, во время дежурства, ночной сторож видел призрачную фигуру, летающую по коридорам...

- Отец! Ты серьезно? Сторож просто перебрал!

- Директор ДК утверждает, что он капли в рот не берет и вполне себе неглупый мужик. А директору я доверяю. Зовут его Роман Сергеевич Стоцкий. Когда-то, мы с Ромой служили вместе в армии. Потом пару раз встречались, раз в год в день ВМФ перезванивались - поздравляли друг друга. А тут... я звоню, а жена его, Римма, в слезах. Говорит, Рома сошел с ума! Представляешь? Он, дурак, не разобравшись, в милицию заявление накатал обо всем, что у него в учреждении происходит. Ну, и окрестили его городским сумасшедшим. Дело, естественно, замяли.

- А его сотрудники? Неужели никто не захотел слова подтвердить? Сторож тот же самый?

- Да там непонятки какие-то. Они то видят и клянутся, что это было, то в несознанку уходят.

- Неубедительно это все. Ничего особенного, по сути, не произошло, - я старался вникать в отцовский рассказ, но атрофированный загулом мозг отказывался думать.

- Неубедительно? А как тебе искрящийся шар, который во время концерта летал над головами зрителей?

- Они-то почему в полицию не пошли?

- Уверены были, что это – спецэффект такой. А вот сотрудники чуть в штаны не наложжили.

- Еще?

- Ну, предметы там на другие места перемещаются самовольно – классика жанра. Ну, голоса слышатся из заведомо пустых помещений. Еще что-то по мелочи. Поедешь, сам разберешься, на месте.

- Отец, ты бы придумал чего пооригинальнее! Подобное уже было и не раз в моей карьере.

- Та-а-ак, я вижу, что заинтересовать тебя не получится. Хорошо. Тогда, во-первых, я прекращаю выплачивать тебе зарплату – не работаешь, значит, как говорится, не ешь. А во-

вторых, завтра я позволю матери взяться за тебя – она давно хочет приехать, да я не позволяю. Ну и самое главное, я позвоню Катерине. Может быть, она сможет как-то на тебя подействовать!

- Отец! Ты не посмеешь!

...Я точно не знаю, почему согласился, то ли меня, действительно, заинтересовал вопрос, почему поехала крыша у какого-то престарелого дядьки, живущего в засиженном мухами периферийном городке, то ли просто очень хотелось, чтобы отец (и его любимчик Сережа) покинули, наконец, мою квартиру, и дали мне возможность спокойно умирать от головной боли в одиночестве.

2 глава. Олеся.

В доме напротив горел свет. Всю ночь. В этом я была уверена, потому что часов до трех точно сидела за ноутбуком и придумывала сценарий, искала в интернете, выстраивала диалоги, сочиняла финальную песню... В общем, готовилась к первой репетиции новогодней сказки для детей.

Почему меня так напрягал этот свет, горящий в узких, обрамленных резными наличниками с давно облупленной белой краской, окнах? Дело в том, что хозяйка дома, Анна Ивановна, злобная гримза, с которой мы постоянно ругались из-за моей Гешеньки, уехала жить к дочери в Ростов. И чем ей моя Геша не угодила, ума не приложу? Ну, подумаешь, разбивала грунтовку колесами в нашем незаасфальтированном переулке! Но разве я виновата, что очередной мэр города тут же забывал свои предвыборные обещания обязательно привести в порядок дороги, как только его попа занимала кожаное кресло в нашем местном Белом доме? А бросать Гешу где-нибудь на другой улице, было чревато возможностью однажды утром найти ее без колес или с разбитыми просто ради хулиганства стеклами.

Свет горел. А движения в комнатах не было. Иначе бы на занавесках двигались тени - старая карга раньше все время по вечерам носила туда и обратно чашку с чаем, и очертания этого процесса были мне хорошо знакомы.

В три часа я поняла, что больше борюсь со сном, чем работаю. А еще внезапно вспомнила, что завтра в девять планерка у Романа Сергеевича! А там попробуй зевни! И ведь знает, что я делаю ночами, но... характер у нашего директора - не сахар, шутки несмешные, и вообще, мы с ним всегда были в контрах, хотя, по сути дела, должны были работать в одной связке, вместе, рука об руку, ноздря в... спать, срочно спать, иначе совсем не о том...

И уже выключив свет, и направляясь к расстеленному заранее (какая же я молодец!) дивану, я мельком взглянула через неплотно зашторенное окно на дом Анны Ивановны. Там, внутри дома, за окном, определенно кто-то стоял. Стоял и смотрел на мою избушку, освещенный ярким светом люстры за спиной! И этот кто-то был какой-то косматый, большой и страшный... Я кинулась к входной двери, убедилась, что память еще не потеряла, и дом замкнут на все два замка, закрыла по пути свое окно, надеясь, что если не видеть проблемы, то она рассосется сама собой. Легла на кровать, и уже в полусне подумала, что, скорее всего, мне все это просто привиделось - от усталости!

... - Давай, Светочка, отворяй ворота! Точнее, это... открывай его кабинет!

- Но Роман Сергеевич ругаться будет... когда придет.

- У меня репетиция сейчас идет вообще-то! Дети собрались! Я понять не могу, каким образом костюм коня у него в кабинете оказался? Опять ваш полтергейст виноват?

Светочка почему-то покраснела. Неужто конь этот как-то связан с ними двумя - с Романом нашим, свет Сергеевичем, и с его секретаршей Светочкой? Но выяснять это у меня времени не было - целая толпа детей из моего театрального кружка "Новый формат" ждала на сцене, а паренька, играющего коня, одну из главных ролей, одеть было не во что!

- И вообще, Свет, не пойму, где он сам? У меня есть пара вопросов по сказке. Позавчера сказал, что планерка будет. Ты ему звонила?

- Звонила. Но Рома..н Сергеевич, трубку не берет.

- Так на домашний позвони. Римма тебе расскажет, где его искать.

- Ой, только не это. Ты же знаешь, какая она. В любом человеке подозревает любовницу своего мужа. Не волнуйся, к обеду он точно явится.

- Ты будешь открывать или нет? А-то, знаешь, я сейчас на вахте ключик от кабинета возьму и сама открою.

Но Светочка чуть ли не грудью заслонила дверь в кабинет Стоцкого – а надо сказать, защита у нее была что надо, размера, наверное, пятого! До меня начинало доходить... вот я, дурочка! Ромочка, видимо, успел Светку окрутить! Наш директор был еще тем ходяком, несмотря на свой, далеко не молодой возраст. И ко мне подкатывал не раз – я так вообще была, как он говорил, в его вкусе – именно таких, упитанных, он и любил... Вспомнив о своей главной беде, я встряхнула головой, как мокрый пес, бросила Светке, разворачиваясь на маленьких каблучках и направляясь к залу, где шла репетиция:

- Слушай, Светка, мне вообще пофиг, что ты там, в Ромкином кабинете, забыла, хоть трусы свои... Главное, притащи мне этого сраного коня. Если его через пять минут не будет, я за себя не отвечаю!

...Репетиция прошла из рук вон плохо – после ухода Егора, нашего режиссера, Стоцкий все никак не мог найти человека на это место. Во многом виновата была слава о нашем ДК, которая вот уже год расползается по городу, словно чума. А я кто? Я всего лишь худрук. Мое дело – номера отбирать с руководителями детских коллективов, отшлифовывать их, ну и еще, свой театральный кружок вести. А постановка, разводка, репетиции концертов – это увольте, это работа режиссера! Да и людей мне явно не хватало. Да, хореографы, певцы-эстрадники и народники, помогали, был еще режиссер детских мероприятий, принимали участие и техники – звукорежиссер, декоратор, костюмер и другие, но с уходом режиссера из нашего учреждения культуры ушла душа, и поэтому все валилось из рук, и поэтому само здание вытворяло с нами злые шутки, а может и не здание, а... домовой?

Конечно, я бы очень хотела, чтобы Егор вернулся. И дело даже не в какой-то там, мифической душе здания, а в том, что он очень нравился мне, как мужчина. Да только... Я-то ему нет... Иначе не сбежал бы после пары свиданий! Да и как может понравиться такому красавчику, как он, такая толстая бабеха, как я?

- Олеся Петровна, Олеся Петровна! А можно я старшего брата завтра на репетицию приведу? - мои грустные размышления прервал звонкий голосок Севы Петрова. - Может быть, он домового сыграет? Он у меня на актерском учится в институте культуры, а сейчас на каникулах.

- Конечно, Севочка, приводи брата, - да, мужик мне в постановке не помешал бы, нормальный, не такой, как осветитель Юрка – два слова запомнить не мог, и не такой, как руководитель вокально-инструментального Вадик – переигрывал, зараза, вставляя порой такие реплики, которые только во взрослые спектакли... да и то с натяжкой.

- А когда?

- Да вот завтра и приводи!

3 глава. Игорь.

Безысходная тоска навалилась, накатила, полностью уничтожив всяческое понимание смысла существования. Я был целиком и полностью уверен, что ничего хорошего в моей жизни уже больше никогда не случится. Я не мог объяснить самому себе, для чего живу, какова моя цель, как человека. И от осознания собственной ненужности было тошно. А еще раздражало всё на свете – отец, дающий последние наставления, которые я не желал слушать, мать, складывающая мой чемодан – я обычно предпочитал это делать сам, (но разве с нею поспоришь?), а потом в пути - скрип в передней стойке давно не выгоняемой мною из гаража машине, толпа придурков на дорогах, дорогой бензин (отец, конечно, перечислил командировочные авансом, но по сравнению с прежними моими, это были сущие копейки, а кроме этого денег у меня практически не оставалось).

Еще большую тоску я ощутил, когда приехал, наконец, в унылый, чуть припорошенный снегом городишко. Легко нашел улицу, где жил отцовский армейский товарищ, по совместительству директор дома культуры. У Стоцкого был неплохой коттеджик, по размерам своим едва ли уступающий тому, который имелся у моего папика. Но мой-то все-таки - бизнесмен, а этот товарищ - бюджетник... данный факт заставлял задуматься. Но, по сути, я сюда не коррупционные схемы разоблачать приехал, а мистические. Поэтому, выбросив сомнения в чистоплотности Романа Сергеевича из головы, я шагнул за порог его жилища.

Несмотря на возраст, Стоцкий был привлекательным, импозантным мужчиной с правильными чертами лица, которое не портили морщины, и благородной сединой в некогда черных волосах.

- Да-а, - протянул он, разглядывая меня. - Очень ты на Лёху в молодости похож - прямо одно лицо! Как надолго к нам? И что тебе нужно для расследования?

- Пока не выясню всё. Что нужно? Квартира мне нужна, если в гостинице остановлюсь, возникнуть подозрения. И легенда какая-то... Дело в том, что приехать к вам в театр...

- В дом культуры, - поправил меня, назидательно подняв палец Роман Сергеевич.

- Приехать к вам в дом культуры и заявить, что я - журналист, явившийся изучать и описывать необъяснимые события, происходящие в вашем заведении, означает испортить дело, еще не начав его. Мне нужна легенда. А лучше всего было бы влиться на время в коллектив в качестве сотрудника, посмотреть, так сказать, изнутри. Изучить. Познакомиться. А там, глядишь, само всплывет.

- А если не всплывет?

- Не всплывет - поможем.

- Мне нравится твой энтузиазм. Ты ж не против, что я так, на ты, по-простому?

- Нет. Не против.

- Значит, смотри. У меня сейчас вакансия режиссера имеется. Собственно, больше никаких... Ты по профессии кто? Журналист?

- Угу.

- Тут, конечно, нестыковочка будет. Дело в том, что... ну, в общем, так бы я помог тебе, подсказал, что и как, и большинство наших вообще ничего бы не заметили. Но есть одно но...

- Что за "но"?

- Олеся Петровна Свиридова.

- Это еще кто?

- Это наш худрук. Ей надо, чтобы всё, как положено было. Душу из тебя вытрясет, чтобы работал, чтобы режиссёрил, значит.

- Ну, и как, по-вашему, я это делать буду? Я ж не бум-бум в этом вопросе. Что, вообще, должен режиссер делать? Командовать всеми?

- Командовать всеми должен директор. То есть я. А режиссер должен концерты создавать, оформлять, придумывать ход, канву, общую мысль. Да много чего.

- Увольте сразу - я петь и плясать не умею.

- Да петь и танцевать тебе не нужно - у нас это делают коллективы, которыми руководят специалисты-сотрудники нашего ДК. Вот, предположим, скоро Новый год. За несколько дней до праздника у нас должен состояться концерт. Режиссер придумывает общую идею. Допустим, он хочет, создать представление в форме сказки "Снежная королева". Дает задание художникам, бутафорам, декораторам, чтобы создали там... замок из льда. Хореографы должны танец снежинок подготовить. Музыканты - пару маршей для озвучивания скачек разбойников на лошадях. Певцы - номера музыкальные соответствующие. И так далее...

А! То есть, получается, я должен идею придумать, раздать задания, и потом проверить, как их выполнили! Ну, в принципе, с фантазией у меня - полный порядок. Идею я найду - интернет в помощь! А проверить качество ее исполнения мне Роман поможет! Ерунда! Справлюсь!

- Понял?

- Ну, так, примерно.

- В принципе, если что, я всегда рядом буду. Главное, фурии рыжей не дать понять, что ты - полный профан в этом деле, иначе - со света сживет!

Меня сживет? Да я, собственно, здесь ненадолго! Статью накатаю - и поминай, как звали! Может быть, за неделю и справлюсь! А, была не была! Чтобы я, да бабу какую-то боялся? Да никогда!

- А жить мне где?

- Можешь у меня здесь остановиться.

- Э, нет! Кто ж поверит, что я - не посланный казачок, если я жить в доме у директора буду? Мне победнее и попроще жилье нужно.

- Ну значит, я тебя к Светочке подселю. К секретарше моей. У нее квартирка в многоэтажке неподалеку от работы. И молчать она будет, как рыба, о нашей с тобой связи. Хотя... можно вообще ей ни о чем не рассказывать - она и не догадается, баба глупая, что та пробка!

... Светочка оказалась высокой симпатичной блондинкой с огромными сиськами и длинными ухоженными волосами. Квартирка понравилась мне не меньше, чем сама хозяйка - чисто, со вкусом, комната отдельная, как раз для меня. И девушка посматривала на меня с интересом - скучно не будет, это точно!

Правда, несколько удивил меня тот факт, что Светочка рванула провожать Романа Сергеевича к машине - неужто какие-то рабочие вопросы решила обсудить? Я осторожно выглянул из-за розовой шторочки - они ругались возле подъезда. Причем, ругался скорее только он один, а Светочка, вроде бы, плакала. Та-ак, дело тут нечисто! Спит он с нею что ли? Классика жанра - директор и секретарша! Даже скучно как-то...

Правда, в квартиру Светочка вернулась с радостной улыбкой на устах.

- Игорь, вы размещайтесь, сейчас я вам все покажу, - короткий взгляд из-под наращенных ресниц дал мне понять, что Стоцкий - не единственная и не окончательная любовь красавицы-Светочки, а, скорее, один из вариантов. Занятно...

Готовила Светочка отвратительно. Но, собственно, она и не обязана была меня кормить. С трудом проглотив нечто отдаленно похожее на котлету и картофельное пюре с комками, я искупался и отправился в отведенную мне комнату, отказавшись смотреть телевизор с девушкой.

Во-первых, я очень устал. А во-вторых, должен был сделать одно важное дело, которое в ходе расследований выполнял всегда и неукоснительно - я хотел заполнить дневник. Часто подобные записи потом, после поездки, давали толчок к написанию не одной, а нескольких

статей, зарисовок, репортажей. А иногда, перечитывая их в процессе распутывания дела, я и находил отгадку.

Первая запись была короткой:

"День первый. Приезд.

Директор - гуляка, мечтающий с моей помощью избавиться от надоевшей любовницы.

Светочка - секретарша, любовница, не оставляющая надежду закомутать своего шефа.

На данный момент не вижу никого, кому было бы выгодно, чтобы о доме культуры шла плохая слава".

Дальше этих строк, как я ни изгалялся, дело не пошло, хотя и было у меня желание порассуждать о "красотах" уездного городка. Отложив блокнот (любил по-старинке писать ручкой, а не печатать в ноуте, хотя последний и возил с собой тоже), я улегся на расстеленный диванчик, и уснул мертвым сном.

4 глава. Олеся

Давненько Роман Сергеевич не присутствовал на репетициях! И что вдруг приперся? Несмотря на статус директора, Стоцкий хорошо разбирался во всем, что происходило на сцене - по специальности он был, как раз-таки режиссером, правда, давно уже забросил профессию. Все мои промашки он видел сразу. И теперь, после того, как дети были отпущены по домам, а коллеги разбрелись по кабинетам дорабатывать последние часы перед окончанием рабочего дня, Стоцкий распекал меня, не дождавшись утренней планерки. С одной стороны, я была этому рада - лучше уж наедине, чем на глазах у остальных, хоть не так унижительно. Но с другой... разве есть моя вина, что в ДК нет режиссера?

- Неправильно подобрала актера на роль коня - мальчик слишком мал и ростом, и разумом. Тут чувство юмора нужно, а он стесняется, зажался весь. В той сцене, когда домовый решает все-таки вернуться, сжалиться над хозяевами, изображение печки, русской хаты на экран вывести надо - показать, где обитает существо это. Потом танцевальный номер вообще ни к селу, ни к городу. И почти в половине сцен второстепенные актеры совершенно не понимают, что должны делать! Короче, Свиридова, тебе еще работать и работать! Ах да! Вадика замени тоже - ну какой он домовый в таких очках-то? Да и чудит он снова - то блох из-под парика показательно вычесывает, то штаны чуть ли не до подмышек натягивает - ругай не ругай, сама знаешь, что-нибудь во время представления выкинет. Кого-нибудь другого возьми.

Я несмело возразила:

- Получается, двое мужчин нужны - конь и домовый. Где мне их взять? Юрка наотрез конем быть отказался. Может вы?

Сказала и поняла, что не стоило - Стоцкий поднялся из-за стола и, картинно измерив шагами кабинет, застыл за моей спиной. Я ждала, что именно он скажет и даже предположить не могла, что на мои плечи вдруг лягут его холеные наманикюренные руки. Я попыталась подняться, но Стоцкий с силой надавил, удерживая меня на месте, а потом наклонился к уху и, слегка касаясь волос своим лицом, прошептал:

- Олесенька, девочка моя, я мог бы решить все твои проблемы... Была бы ты хоть немного поговорчивее, помягче...

- Роман Сергеевич... - начала я, пытаясь выбраться из захвата. - Уберите руки! Я сама решу свои проблемы.

- Вот и я о том же. Иди Свиридова, - руки, наконец, разжались, и я рванулась к двери. - И учти, к концу недели я хочу увидеть нормальную сказку, а не это позорище.

Мне было противно и обидно. И безумно хотелось броситься в свой кабинет и поплакать там в одиночестве. Но, собрав всю свою волю в кулак, я обернулась уже на выходе и сказала:

- Может вы забыли, Роман Сергеевич, что я за двоих работаю здесь, за режиссера и худрука одновременно, а зарплату получаю всего одну!

Гадко улыбаясь, Стоцкий ответил:

- А могла бы три зарплаты получать, если бы поумнее была. Но учти, тебя здесь никто не держит, где выход ты знаешь.

Очень хотелось хлопнуть посильнее дверью, но, заметив в коридоре стайку девчонок, идущих домой с репетиции в танцевальном коллективе "Бусинки", я только молча зашагала прочь от директорского кабинета.

Я любила свою работу. Мне она приносила удовольствие. Я любила заниматься с детьми, любила музыку, любила сам дух этого старинного здания с огромной сценой. Я и сама хорошо пела, и в большинстве концертов были и мои сольные номера. А еще я была одинока. Нет, конечно, у меня были родители и младшая сестренка. Но жили они в маленькой деревушке неподалеку от Семикаракорска и вернуться к ним, означало вообще не найти работу по спе-

циальности. В родной деревне я могла устроиться в лучшем случае почтальоном или дояркой. Да и в самом городе другого ДК не было, поэтому и специалист такой, как я, был тоже никому больше не нужен. Стоцкий это хорошо понимал. И я тоже.

Сдерживая отвращение, я заставила себя подумать, что было бы, если бы согласилась и стала любовницей нашего директора. А что, Светке-то он нравится? Но потом вспомнила о той страшной истории с девушкой Анной, у которой был когда-то роман с нашим Романом. Я в то время не работала еще, и даже в городе не жила. Мне девчонки по секрету рассказывали, что якобы лет десять назад, во времена работы Стоцкого режиссером, в ДК пришла молодая танцовщица. Организовала кружок, набрала деток, стала работать. Роман Сергеевич, положил на нее глаз, хотя уже был давно женат. Обещал золотые горы, развестись и жениться, она поверила. Да только у него любовь закончилась быстро - и пары месяцев не прошло. А вот она... Она уволилась, уехала из города, и больше о ней никто не слышал. Да только слух ходил, кто-то кому-то рассказывал, что вроде бы, Анна то ли утопилась, то ли повесилась, так и не сумев забыть нашего ловеласа.

Ненадежный он человек, доверять такому невозможно. Да и стоит только представить, что он меня... целует, как неконтролируемый рвотный позыв скручивает живот тисками!

Еле дождала до окончания рабочего дня, запрыгнула в Гешеньку и поехала домой, чтобы провести в одиночестве еще один скучный вечер.

Но в петлице навесного замка, запирающего входную дверь моего домишки, доставшегося в наследство от одинокой маминей тетушки, торчала прекраснейшая красная роза, обвитая зачем-то красной шелковой тесьмой, к которой внизу была прикреплена маленькая открыточка. У меня есть тайный поклонник! Вот это да! Вот это поворот! Стоп! А вдруг это Стоцкий решил зайти с другой стороны? И взять меня в оборот вот так, с помощью романтики? Прежде чем прочесть, что там в открытке, я осмотрелась по сторонам - вдруг он где-нибудь в кустах засел? Но никого не заметив, все-таки прочла:

"Поиграй со мной, девочка..."

Что бы это значило?

5 глава. Игорь

Старинная, массивного вида дверь открылась с трудом. Что тому виной - ее непомерная тяжесть или просто я настолько ослаб? Нужно разузнать, есть ли в этом Мухосранске тренажёрный зал какой-нибудь, пора бы начинать возвращаться в форму. С пьянками и гулянками последний месяц я вообще не занимался и сегодня, разглядывая свое тело в большом зеркале Светкиной ванной, был, мягко говоря, разочарован.

Внутри здания в широком вестибюле туда-сюда носились дети, наряженные кто во что горазд. Были здесь и снежинки в красивых воздушных платьицах, и мальчики в народных рубашках и красных сапожках, а еще - дети, переодетые зайчиками, медведь, волчица... Я засмотрелся на кикимору или русалку (наверняка сказать было невозможно) с ядовитыми зелёными волосами и ведьминским крючковатым пластилиновым носом и, сделав шаг, стукнулся головой о лошадиную морду! Интуитивно, как в боксе, присел, упершись взглядом в шикарнейший бюст, находящийся с такой позиции буквально в нескольких сантиметрах от моих глаз.

- Доброволец? - из-за огромной лошадиной морды внезапно высунулось рыжее чудо с маленьким вздернутым носиком и губками-бантиками.

- Э-э... можно и так сказать, - против воли я улыбнулся, отодвигая белые пластмассовые лошадиные зубы подальше от лица.

- Роль свою знаешь?

- Безусловно. Не первый же раз, - непонятно зачем, подыграл я.

- Тогда скажи за мной!

Она говорила абсолютно серьезно, а я, отлично понимая, что никуда "скакать" вовсе не обязан, почему-то подчинился и, следя в толпе за лошадьё, которую девушка закинула себе на плечо, как за маяком, поспешил за ней.

В зрительном зале, куда мы пришли, было тихо, несмотря на некоторое количество разновозрастных детей, толпящихся возле сцены. На последней происходило какое-то действие, смысл которого меня несколько смущал: два папуаса с черными колготами на голове танцевали вокруг связанного мужика в дедморозовском колпаке и с длинной ватной бородой, одетого, правда, в джинсы и рубашку, при этом на заднем плане прыгали и квакали какие-то девочки-лягушки и ревела в три ручья тетенька в снегуркином кокошнике и с желтой нитяной косой, перекинутой через плечо. Как только танец закончился, все почему-то замерли на сцене, глядя в зал, а девушка с конем наперевес совершенно без остановки взлетела по ступенькам к ним.

- Снегурочка, плакать нужно правдоподобнее. Лицо руками прикрой, и плечами вот так содрогайся! - она изобразила все вышеперечисленное.

Потом начала разъяснять остальным, что и как им не нужно было делать. А я, прислонившись плечом к стене, с интересом наблюдал за ней, очень хорошо освещенной всеми возможными софитами и лампами. Какая необычная девушка - такая живая, такая эмоциональная... Сказать, что она - красавица, я бы, наверное, не мог. Но... Понимая это, все же отвести от нее глаз не получалось, как ни старался. И замечал, конечно, что она при своем невысоком росте немного полновата, но при этом почему-то недостатком это мне не казалось!

Может быть, вот так в какой-то зрительной эйфории, и разглядывал бы ее до конца представления, или репетиции (что это у них такое вообще?), только внезапно рыжая резко шагнула к краю сцены и, щурясь от яркого света, уставилась в мою сторону:

- Эй, домовой! Может, ты конем пока побудешь? Или для тебя принципиально?

Я посмотрел себе за спину, по сторонам и, не увидев никого, понял, что это она ко мне обращается! Невольно смерил взглядом уродливое чучело, которое она взгромодила на стоящий сбоку на сцене стул. Вот это я должен на себя надеть? Хм, такого в моей жизни еще

не было. Но когда поднял взгляд на девушку, рыжая смотрела с таким вызовом, что ничего другого не оставалось, как ответить:

- Да мне все равно! Конем, так конем!

Я легко взбежал по ступенькам на сцену и хотел было тут же натянуть на себя страховый костюм, но девушка остановила:

- Стоп! Пошли за кулисы - там хитрость есть одна в облачении, боюсь, что сам ты не сможешь. Да и роль вкратце расскажу, - и без перехода, тут же крикнула куда-то вглубь зала.

- Эй, Мария Николаевна, включай танец зайчат! Репетируйте пока, я коня подготовлю!

Шторы-шторы-шторы, стулья какие-то, столы, шляпы, елки, ящики тут и там - она лавировала между всем этим так, будто шла на автопилоте, зато я успел пару раз споткнуться, приложиться об угол допотопного стола бедром и даже облапать толстую бабку со шваброй и ведром - не специально, конечно, просто встретились мы с ней в очень уж узком проходе.

Я был заведен в какой-то закуток, откуда при всем желании самостоятельно, наверное, выхода бы не нашел. В тесном полутемном углу, со всех сторон огороженном пыльными шторами (или это кулисы?) она ласково сказала:

- Раздевайся!

- Что? - в моей жизни, конечно, было всякое, но чтобы так сразу! Чтобы даже имени не спросив! Да и дети тут неподалеку - место, конечно, неподходящее. Хотя... в полутьме я окинул взглядом красивые пышные волосы, милое личико, находящееся всего лишь в паре десятков сантиметров от меня, потом стрельнул глазами на прикрытую тонкой блузкой грудь, просто нереально шикарную грудь... и понял, что, в принципе, можно и так! Тем более, если девушка просит! - И даже имени не спросишь?

- Спрошу. Как тебя зовут? А-то "Конь" как-то обидно звучит.

- Меня Игорь зовут. А тебя? - я решил, что раз уж она предложила на словах, то дальше - дело за мной и шагнул к ней навстречу, буквально вжимая всем телом в бумажную русскую печку.

6 глава. Олеся.

Батюшки мои! Елки-же-палки! Вот это у Севочки братец! Вот это красавчик! Черноволосый, сероглазый, в очках с модной оправой (этот факт почему-то в моих глазах только прибавлял ему очарования!), высокий, одетый, как с картинки - сразу видно, в городе учиться! Правда, мне он почему-то показался значительно взрослее, чем, по логике вещей, должен бы быть парень-студент. Но кто тогда это мог быть такой? Никаких вариантов. В связи с эпидемией ветряной оспы в здание дома культуры не пускались посторонние, а родители встречали своих детей, занимающихся у нас, на стоянке рядом. Раз наш администратор пустила его, значит, это может быть только Севочкин брат, о приходе которого я предупреждала Клавдию Иосифовну заранее. Где интересно, сам Севочка? Ну об этом потом - позже, сейчас некогда, а зайцы на репетиции без одного своего товарища справиться, в принципе, должны.

Все сомнения исчезли, когда я с ним заговорила - ну вот и замечательно! Вот и ладненько! Как бы ему теперь коня пристроить? Роль домового уже Юрке отдала! Но он, к моему счастью, согласился и на коня.

... За кулисами в укромном уголке, где частенько переодеваются те, кто играет несколько ролей и, в силу своей незаменимости, не может бегать в гримерку, парень вел себя странно - смотрел на меня с прищуром, как бы оценивал взглядом - нахал!

Когда я предложила ему раздеться (куртку и что там у него внизу - свитер?), он почему-то удивленно вскинул голову, оторвавшись от наглого рассматривания моей груди. Ну не налезет конь на верхнюю одежду - что тут непонятного?

- Меня Игорь зовут. А тебя?

Вместо ответа я (знала ведь, что танец уже к середине подходит - нужно было торопиться, а мы еще и не начали переодеваться) потянулась к его расстегнутой куртке и, ухватившись за нее по обе стороны от воротника, начала снимать. Он неожиданно наклонился к самому моему уху и прошептал жарко и ошеломительно, обдавая меня запахом потрясающе приятного парфюма:

- Какая ты страстная, рыжая малышка...

Пока я пыталась осознать смысл этих слов и по инерции все еще тянула с него, никак не желающую сниматься одежду, горячие длинные пальцы ухватились за мой подбородок, приподняли его, а затем... ОН. МЕНЯ. ПОЦЕЛОВАЛ! Сказать, что я была удивлена - это ничего не сказать! Я была в шоке! Я была в ужасе! Я забыла, как меня зовут, кто я такая, где я. Я стояла и, выпучив глаза, изо всех сил пыталась понять - кто решил надо мной приколоться подобным образом? Кто эта скотина? При этом я рассматривала с очень близкого расстояния его длиннющие ресницы, не иначе как стеклами очков увеличиваемые раза в два, а то и три.

А он явно старался... Сначала легко коснулся своими губами, а потом с каким-то непонятным звуком приложился всем ртом - пахнущим почему-то моими любимыми конфетами барбарисками, а потом.. потом обвел мои губы своим влажным языком и попытался сунуть его мне в рот! Вот же гад! Вот же подлец!

Мой папа, работающий участковым в нашей деревне, много раз показывал мне, что нужно делать, если какая-нибудь тварюка пытается сделать с тобой что-то непотребное. В данном случае, наглое вторжение в мой рот, я расценила именно, как непотребное, и, недолго думая, резким рывком колена вверх, легко добила того, чтобы он не только вытащил свой язык, но и вообще скрючился в три погибели, прикрыв пострадавшее место руками. Конечно, по закону подлости, музыка прекратилась, и его вопль было слышно, наверное, даже у Стоцкого в кабинете!

- Значит так, ИГОРЬ... хотя ты не Игорь, ты... та еще скотина! Мне такой конь не нужен! Я другого найду!

Развернувшись на каблуках, забыв про костюм, я с гордо поднятой головой - все-таки не прошли даром отцовские уроки - пошла на сцену продолжать репетицию. И через пять минут уже почти полностью выбросила из головы наглого студента и его поцелуй...

Репетиция только еще подходила к концу, когда в зал прибежала, точнее, приковыляла, на своих двадцатисантиметровых каблучищах Светка:

- Олеся! Олеся Петровна! Мария Николаевна, Юрий... как там тебя! В общем, все творческие сотрудники - срочно в кабинет к директору!

- А дети? - спросила хореограф Галочка.

- За ними пусть Клавдия Иосифовна приглядит! - Светочка проявляла чудеса находчивости.

- У нас вообще-то репетиция! Через полчаса придем, - осмелился вставить скромняга Юрочка, выглядывая из-под серого патлатого домовенского парика.

- Стоцкий сказал, чтобы в течение пяти минут все собрались! Иначе поувольняет! И учитите, он там рвет и мечет!

- А что случилось-то?

- Он просил не говорить. Я по секрету... слышала случайно, что кто-то нашего нового режиссера за кулисами избил.

В моей голове что-то ощутимо щелкнуло, потом с головы до ног все тело окатила волна нестерпимого жара, и пазл в голове сложился - это был новый режиссер! И я безумно захотела сбежать - вот просто развернуться сейчас, броситься в свой кабинет, схватить куртку и ключи от Гешки и рвануть домой, замкнуться на все замки и спрятаться под одеяло. Да только... только подумала вдруг: "Стоп, Олеська, он сам виноват! Ты-то его за дело треснула!" И стараясь держать спину ровно, а голову прямо и гордо, я пошла следом за своими коллегами... сдаваться.

7 глава. Игорь

"Вот это девушка! - восхищенно думал я, когда она стягивала с меня куртку. - Вот это город! Вот это командировка! И это только первый рабочий день!"

И, наверное, у меня просто бабы давно не было. Или, может, звезды так сошлись? Или... да что теперь размышлять, сидя в кресле директора ДК, за его же столом, если я был просто шокирован своей сумасшедшей реакцией на эту маленькую рыжую девчонку! А потом был шокирован ее реакцией на меня! Коза! Разве можно так бить мужика, да еще в таком возбужденном состоянии? Не знаю, как я смог удержаться и не упасть прямо к ее ногам! Но именно в такой, скрюченной позе, с прижатыми к несчастному члену ладонями, меня и застал Роман Сергеевич. А теперь он ходил взад-вперед по своему кабинету, яростно махал левой рукой, украшенной старинным серебряным перстнем, и требовал описать ему "этого мерзавца", который посмел посягнуть на самое дорогое, что только есть у мужика!

И первым моим порывом было рассказать о ней. Но потом, когда Стоцкий вдруг заявил:

- Да, собственно, я знаю только одного человека... точнее, только одну дуру, которая способна на такое! Свиридова. Больше никому. Рыжая такая? Самоуверенная? С сиськами? - он обвел ладонями вокруг своей груди, как бы очерчивая размер и форму.

После этих его слов, несмотря на непрекращающуюся ноющую боль, я твердо сказал:

- Роман Сергеевич, ни слова об этом инциденте. Я сам разберусь. Вы просто спокойно представьте меня коллективу. И все. Иначе, вы просто все испортите!

Нестройная толпа мужчин и женщин потихонечку протискивалась через узкие двери - кто-то садился на стулья, ровными рядами расставленные у противоположной столу директора стене, кто-то просто прислонялся плечом к стене или двери - сразу видно, и по поведению, и по форме одежды, прическам, лицам даже, что коллектив творческий, вольный, чем-то напоминающий мне нашу редакцию... Я все также сидел за столом у директора, не обращая внимания на его робкие намекающие взгляды, бросаемые на родное кресло. Почему-то не понравилось мне его снисходительное, насмешливое описание Свиридовой, особенно резанувшее слух: "С сиськами". Вот я и наказывал его, заставляя сидеть на простом деревянном стуле, на одной волне с подчиненными...

Я старался не смотреть на нее. Пока Стоцкий что-то там талдычил о том, как сильно им повезло, что к ним в их Задрьпинск (1) приехал такой замечательный, подающий надежды молодой специалист, я рассматривал своих временных коллег. Конечно, я понимал, что с первого взгляда невозможно что-то толковое сказать о человеке. Но, тем не менее, старался увидеть среди них кого-то особенного, привлекающего внимание. И более особенного, чем рыжая чрепашка ниндзя, среди пары десятков культработников я не нашел.

А она прямо и с уже знакомым мне вызовом смотрела на меня. И только легкий румянец на скулах выдавал ее смущение и... страх?

- Ну а теперь Игорь Алексеевич скажет нам пару слов о себе, потом я покажу ему кабинет, ну а там, я думаю, он сам решит, с чего ему начать свою работу у нас.

- Спасибо, Роман Сергеевич! - я встал, с трудом сдержавшись, чтобы не поморщиться от боли, но директора все-таки на его место не пустил, оставшись стоять за столом. - Сразу хочу предупредить всех, что именно в доме культуры я никогда не работал, поэтому специфику вашего учреждения представляю себе отдаленно. Но, тем не менее, я все-таки режиссер (И актер! Мне казалось, что вру я очень даже убедительно!) и имею собственное видение дальнейшей работы учреждения. Насколько я понимаю, новогоднее представление для детей репетируется...

Я выразительно посмотрел на Свиридову, и она неожиданно опустила глаза в пол - все-таки, видимо, совесть у нее есть, и покраснела.

- А для взрослых? Что-то планируете? Или данная категория населения будет упущена? - я нарочно сделал свой тон несколько надменным и строгим. Помолчал, ожидая ответа. Но все молчали, кто-то при этом со скучающим видом смотрел в окно, кто-то разглядывал маникюр, показывая, что более важного дела не имеет, и все, как один, отводили глаза, из чего я легко сделал вывод, что, вероятнее всего, этот вопрос даже не поднимался. И уже было открыл рот, чтобы продолжить, но вдруг неожиданно в полной тишине раздался голос:

- Уважаемый Игорь Алексеевич, у нас вообще-то не было режиссера, поэтому о концерте для взрослых речи и не шло.

Смелая. На ее месте я бы сидел, как мышка, и не высовывался, вдруг да речь зайдет о моем увечье, но нет! В бой бросилась! Всех этих взрослых мужчин и женщин собой заслонила - глупая! Интересно, а за нее кто-нибудь из них готов... Я только открыл рот, чтобы сказать что-то вроде: "Но теперь-то у вас есть я!" Но она меня опередила:

- Ну, теперь-то у нас есть вы, Игорь Алексеевич, - и улыбалась, и смотрела в глаза, и заискивающе хлопала ресницами, но что-то подсказывало мне, что всё это - наигранно, и на самом деле она думает совершенно по-другому.

- Вот-вот, а раз так, завтра утром жду вас у себя в кабинете с предложениями и идеями. И учтите, от каждого хочу услышать что-либо! От каждого! - мне показалось, я замечательно выкрутился, правда, смутило то, что большинство присутствующих в кабинете переглядывались между собой и выглядели удивленными. - А у кого будет самая лучшая идея... Роман Сергеевич, я могу как-то способствовать начислению сотруднику премии?

Стоцкому ничего не оставалось, как кивнуть, хотя данный вопрос мы с ним и не обговаривали заранее и, я был уверен, подобная инициатива никому из руководителей понравится не может, однако мне нужно было зарабатывать очки уже на старте!

- Так во-о-т, - протянул я, охватывая взглядом толпу будущих коллег. - У кого будет самая лучшая идея, тот получит премию по итогам года! Са-амую большую в коллективе! Держайте! И можете идти!

... Дневник Игоря. День второй. "Ничего странного в доме культуры я не заметил - милые люди, куча детей. Если о здании идет такая сомнительная слава, то почему родители не боятся водить сюда детей? Никто из тех, с кем удалось пообщаться, ничего о мистических событиях не говорил. Освоюсь и тогда начну расспрашивать об этом сам...

Уверен, что завтра самая лучшая идея будет у рыжей каратистки..."

Последняя строка появилась как бы сама собой. Я не собирался это писать вовсе. Просто вдруг пришло в голову и каким-то чудесным образом очутилось на бумаге. Нет, нужно все-таки переходить на электронные носители - проще было бы удалить. Продолжить свою важную работу я не успел, потому что в комнату постучали. Светочка, естественно.

По сногшибательной волне сладких духов, влетевшей в распахнувшуюся дверь, я, еще до того, как ее увидел, понял, что девушка начала наступление на меня. Ну, или скоро начнет... Главное, в этот раз не торопить события.

(1) - Прошу прощения у жителей прекрасного города Семикаракорска. Клятвенно обещаю, что главный герой обязательно поменяет свое мнение о городе и однажды прекратит называть его всякими некрасивыми словечками...

8 глава. Олеся

Как же заснуть-то? Как? Какое счастье, что завтра - пятница и мне осталось мучиться всего один день, а потом я наконец выплусь! Но пока... пока заснуть не получалось. И тому было несколько причин.

Во-первых, я удостоверилась, что свет в доме напротив - вовсе не моя выдумка, а горит на самом деле! И даже, вернувшись поздно с работы, попыталась достучаться, чтобы познакомиться с новой соседкой или соседом. Зачем мне это нужно? Элементарно было одиноко по вечерам. И, как-то грела душу мысль, что где-то рядом, пусть через дорогу, живет знакомый, желательно дружелюбный человек, к которому, в случае чего, можно прийти попить чаю или просто прийти...

Только мне почему-то не открыли. Хотя я была уверена, что в доме кто-то был! Мне казалось, я даже слышала шаги за дверью...

Во-вторых, сон не шел потому, что набросанный мною вариант новогоднего концерта теперь, после долгих раздумий, казался мне скучным и неинтересным. Я пыталась успокоить себя мыслью о том, что не так уж сильно я и нуждаюсь в этой премии, но дело было все-таки не в ней... не только в ней. Мне хотелось произвести впечатление - показать этому залетному хлыщу, что я чего-то стою, что я талантлива и самодостаточна.

Ну и... было ещё и в-третьих! Конечно, думала я еще и о красавчике-режиссере... Зачем он поцеловал меня? Это точно был не розыгрыш. По той хотя бы причине, что новый режиссер просто ни с кем не был знаком, и похоже, в городе оказался совсем недавно. А значит, подбить его на то, чтобы так глупо пошутить надо мной несчастной было просто некому. Я мысленно перебирала свои слова и поступки в момент нашего знакомства и не находила совершенно никаких намеков или выражений, которые он мог бы расценить, как призыв, и полезть целоваться.

Если предположить, только предположить, что я ему очень понравилась, вот прям влюбился с первого взгляда, то все равно возникает вопрос: разве нормально это - лезть с поцелуями в первые минуты знакомства? Не лучше ли свой интерес выказать каким-то другим более скромным способом? Или он настолько уверен в собственной неотразимости, что думает, будто провинциальная дурочка от одного поцелуя раздвинет перед ним ноги?

Так как заснуть не получалось, к полуночи в голову начал заползать откровенный бред. И, как это всегда бывает по ночам - бред пугающий и даже жуткий. В нашем доме культуры я работаю уже восемь лет. Да, пару раз случалось - будучи одна в своем кабинете, например, слышала, как в заведомо пустом и даже замкнутом на замок соседнем помещении танцевального зала, вдруг раздавался резкий звук, как если бы на пол с большой высоты падало что-то большое и тяжелое. Да, бывало, казалось иногда, что-то кто-то невидимый, но обязательно страшный, стоит за спиной. Но ведь ни разу, никогда страх мой не становился материальным, таким, как сейчас. Эта роза... эта записка... эта, в конце концов, странная фраза... Что значит, блин: "Поиграй со мной"? С кем я должна поиграть? И во что?

И режиссер этот со своими поцелуями... а раньше-то такого не случалось со мной... А вдруг это он? Вот, допустим, он не режиссер вовсе, а какой-нибудь... маньяк и убийца! И жертвой своей он выбрал, конечно же, меня! Почему именно меня, я додумать не успела. Мой на смерть перепуганный организм отреагировал совершенно необычным образом на выброшенный в кровь адреналин - я провалилась в благословенный сон. Но последнюю свою мысль запомнила.

И пусть утром все для меня казалось совершенно иным. Пусть страх исчез, а в душе поселилось непонятное волнение, тем не менее, мне все еще казалось, что что-то с Игорем

Алексеевичем Петровским не так, что-то нечисто. И если вдруг я узнаю, что именно он является тем самым моим тайным поклонником... То что, Свиридова? Снова его треснешь?

Я думала, пока ехала на работу. Я думала, пока с Галочкой пила кофе перед планеркой у режиссера. Я думала, когда шла вместе с другими к нему на ковер. И даже пока он спрашивал "домашнее задание" у Юрочки и Вадима (нашел у кого - они же никакого отношения к такому важному делу, как сценарий праздника не имели и иметь не могли!), я все еще думала о другом и вовсе не ожидала, что Петровский вдруг спросит меня:

- А что думает о подобных идеях наша уважаемая Олеся Петровна?

Хм, о чем они там говорили? Что-то про классический концерт и концерт с включениями инструментальной музыки? Бред какой-то...

- Уважаемый Игорь...

- Алексеевич.

- Ага, Игорь Алексеевич, никого не хочу обидеть, но неужели вы, режиссер, не в курсе, что осветитель и руководитель инструментального ансамбля все-таки сценарии писать не обучены? И идеи могут предложить только такие, которые касаются непосредственно их работы?

- С кого же мне спрашивать?

- Ну, я, конечно. Вот - Мария Николаевна, она, вообще, режиссер, пусть и детских представлений, но все же. Ну руководители музыкальных коллективов, могут, естественно, тоже идею какую-то подкинуть. Но сценарий они не напишут ведь!

- Значит, премию хотите только вы и Мария Николаевна? А остальные пусть отсеиваются?

Хитрый прищур его серых глаза за стеклами очков заставлял задуматься о том, что мало, слишком мало я вчера его приложила - нужно было посильнее. Во-от как дело-то повернул! Хочет меня с коллегами поссорить! Гад! На режиссерском столе красовался новенький ноутбук, которого раньше там и в помине не было - и, если я хоть что-то смыслю в технике, не дешевый! Да и сам он был одет с лоском - низа мне из-за стола видно, конечно, не было, а вот белоснежный свитер под горло безумно шел этому ловеласу! То, что он именно ловелас, и сомнений никаких не оставалось - когда мы только подтягивались к кабинету, он уже клеил пришедшей первой Машеньку - руководителя эстрадных детских коллективов "Домисольки" и "Солнышко". Вот ведь... петух! Машка, мужское внимание видевшая еще реже, чем я, в силу своей совершенно непримечательной, серой внешности, цвела и пахла! И на секунду... на одну секундочку только, я вдруг подумала, что с его стороны очень некрасиво клеить сегодня Марию потому, что он вчера только целовался со мной! Потом-то я, конечно, оборвала эту глупую мысль. Но осадочек... осадочек-то остался!

- Так что, Олеся Петровна? Что насчет премии? Ваша-то идея какова?

- Ну, если вопрос ставится именно так, то я озвучу свою идею, но от премии публично отказываюсь - отдайте ее кому-то другому, даже если вдруг моя идея и покажется самой интересной.

- Договорились, - он даже руки потер от радости, и я поняла, что теперь надо мной будет ржать весь коллектив, потому что такой глупости - от единственной, в кои-то веки забрезжившей на горизонте возможности получить премию в нашем заведении, Свиридова самолично при всех отказалась! - Приступайте уже!

- Мое предложение таково. Делим концерт с новогодними номерами на блоки, в каждом блоке - свои особые по тематике песни. Какие, будет понятно, когда вы услышите главную мысль. Она такая - концерт разбавляем театральными вставками, объединенными общей идеей. Идея: живет в городе обычная семья, состоящая из матери, отца и подростка-сына. Сын настолько погряз, как и все дети его возраста, в гаджетах, в играх там всяких, что волшебные новогодние традиции, сам факт возможности волшебства, напрочь отрицает. В этом блоке - театрализованное начало, пара-тройка песен и танец (тематику их продумаем, и сами руко-

водители коллективов предложат). Второй блок - родители уходят отмечать Новый год к друзьям, а мальчик со скандалом (просит только об одном подарке - оставить его в покое) остается один. С ним происходит чудо - например, машина сбила Деда Мороза или... ну, олени попали в аварию и сбросили своего наездника прямо к двери этого дома. Мальчик не узнает Деда, но человека в беде не бросает. В награду Дед Мороз решает вернуть волшебство в жизнь современного ребенка...

9 глава. Игорь

Зеленые глаза излучали свет - настоящий, искрящийся, теплый! Она так увлеклась, что, похоже, даже забыла обо всех окружающих, и на меня смотрела без угрозы и негодования - наоборот, ей, наверное, нравился мой заинтересованный вид. Во всяком случае, мне очень хотелось в это верить.

А я, действительно, был заинтересован, очарован, удивлен - так интересно она рассказывала! Милая, нежная, колючая девочка, которую почему-то и поддеть хотелось - так злилась уморительно, и успокоить... Хотя, возможно, у нее есть, кому успокоить. Кстати, а замужем ли рыжая колючка? Нужно поинтересоваться... хм, впрочем, зачем это мне? Зачем, если есть Светочка?

Вот же... не режиссер все-таки я! Отвлекаюсь все время! Усилием воли заставил себя переключиться на активно обсуждаемую моими "коллегами" тему. И ведь, скорее всего, ее идея, вполне сможет сработать и уж точно будет чем-то особенным, что мне никогда не доводилось видеть в жизни. И даже интересно стало поучаствовать.

- Олесь, - спрашивала коротко стриженная брюнетка с ярко покрашенными голубыми глазами. - Тогда на главную роль нужен особенный парнишка - ему вывозить все элементы театральные. У тебя такой на примете есть?

- Ага, - она буквально расцвела в улыбке, когда речь зашла о том, что, по всей видимости, было именно ее гордостью. - Вот Алешу и возьмем!

- Но он же в детском утреннике занят! Потянет сразу две роли? А так я согласна - парень прирожденный актер!

- Ребята, - подал голос один из немногих, чье имя я сумел запомнить - Юрий. - А можно мне какую-то роль, чтобы совсем без слов? Или вообще не давать? А-то я и домовый, и осветитель, и хрен его знает кто!

Мне очень нравились эти весёлые люди. И атмосфера здесь была замечательная. И от меня практически ничего не требовалось! Я мысленно просто потирал руки - они сами все придумывали, все расписывали, я просто внимательно слушал, наблюдал за ними уже с совершенно иной целью. Только казались мне они веселыми и увлеченными, влюбленными в свою работу, и мысль о том, что кто-то из них творит пакости и пытается подставить директора, изображая мистические явления, как-то не вязалась...

Единственное, уже на выходе... когда коллектив торопливо направлялся к своим рабочим местам, заметил я одну странность. Точнее, не странность, а так, немного покоробил непонятный взгляд, брошенный вторым мужчиной, тем, который про инструментальную музыку на концерте говорил, на худрука. Я сразу же оборвал свои вдруг почему-то вспыхнувшие собственнические инстинкты и заставил себя думать, что в подобных смешанных коллективах всегда кто-то в кого-то влюблён и то, что во взгляде худого, как жердь, парня, с собранными в хвост волосами, сверкнуло именно чувство, а не похоть, как, например, у меня, это я понял сразу.

Я не очень-то понимал, что дальше должен делать, поэтому, дождавшись, когда все разбредется по кабинетам в ожидании прихода на репетиции своих коллективов, решил осмотреться, кто где тут сидит, где вход в зрительный зал и, самое главное, где здесь буфет или столовка какая-нибудь. Есть Светочкину стряпню сегодня утром я просто не смог - пока хозяйка была в душе, выбросил синюю с огромными комками манную кашу в унитаз. А теперь, естественно, готов был съесть целого коня... К чему это я про коня?

Задумавшись, вдруг очнулся стоя перед дверью с золотистой табличкой: "Художественный руководитель Свиридова Олеся Петровна". Хотел было развернуться и топать по кори-

дору дальше, но вдруг услышал странные звуки из-за двери. Плачет что ли? Не смог уйти - наоборот, ворвался в двери, убеждая себя, что это - не моё дело.

В маленькой комнатке, значительно уступающей моему кабинету по размерам, спрятаться было негде - стол, кресло за ним, небольшой шкаф, забитый какими-то книжками, дисками, почему-то гириями и искусственными цветами, только я не сразу ее заметил.

Она стояла за шторой, прислонившись лбом к стеклу. И, конечно, слышала, что я вошел, но не отреагировала.

- Олеся... Олеся Петровна, что-то случилось?

- Ничего, - но голосок дрожал и прерывался всхлипами.

Я шагнул ближе, прикидывая, кто мог обидеть ее за эти десять-пятнадцать минут, что я блукал по коридорам необъятного здания. Вроде бы, она уходила одна...

- Но вы плачете! Вас кто-то обидел?

- Зачем ВАМ это знать? ВЫ что ли, защищать меня будете?

- А почему бы и нет? Вот возьму и морду набью обидчику, - всю ночь я думал. Ну, пусть не всю, полночи пил вино со Светочкой, но потом почему-то, вопреки прозрачным намекам девушки, все-таки ушел ночевать к себе, решив, что нужно сначала понять, что за отношения связывают мою квартирную хозяйку с директором, а потом уж, может быть... а может, и нет... не притягивала меня Светочка. Не манила. Зато вино очень даже. И если по-честному, именно эта пугающая мысль и заставила хватать ноги в руки и валить в кровать - стать алкоголиком было страшно. Так вот, лежал я в постели и думал, что, наверное, рыжая меня ударила потому, что вовсе не секс мне предлагала, когда томно шептала: "Раздевайся". Может, костюм этот лошадиный на куртку просто бы не налез... И получается, что это я повел себя крайне неприлично, а не она, как бы мне не хотелось в подобное верить...

- Игорь Алексеевич, а вы можете мне письмо написать?

- Что? Письмо? Какое-такое письмо?

- Ну, допустим, не письмо, а так, пару строчек черкануть? - она смотрела на меня через тонкую штору, и я видел страх в ее взгляде! Она меня боится? Конечно, думает, что ты, Гарик, озабоченный подонок, который может разложить бедную девочку в ее же собственном кабинете... на столе... и так, чтобы все эти книжки-тетрадки, компьютеры рухнули на пол... Кровь бешеным потоком хлынула в тот самый орган, работу для которого сейчас так ярко описал мой мозг! И я уже мысленно представлял себе, как целую эти соленые от слез губы, как освобождаю от свитера так привлекающую меня полную грудь... И, наверное, все эти мысли слишком ясно отражались на моем лице, иначе, почему Олеся, неловко вывернувшись из-за шторы, вдруг робко и испуганно шагнула к двери?

- Ой, вы знаете, мне идти нужно... к Галочке... обсудить кое-что.

Позволить так на себя реагировать я не мог. Поэтому, схватил за руку, явно напугав еще больше, и сказал, разглядывая припухшее и покрасневшее от слез, но все равно очень милое личико:

- Олеся, простите меня за вчерашнее. Я вас неправильно понял. Больше подобного не повторится. И вам нечего бояться, я вам ничего не сделаю - про себя добавив "пока", я, не дожидаясь ответа, пока она раздумывала, предложил. - Напишу, конечно. Что и где?

10 глава. Олеся.

Утро так замечательно начиналось: не проспала, дорогу, правда, чёрная кошка перебежала, но какой-то лихач на огромном чёрном джипе, обгоняя меня, первым пересек опасную черту невидимых следов, удваивая мое и без того, непонятно почему, великолепное настроение.

И планерка прошла хорошо. И моя идея, похоже, всем понравилась. И было время спокойно посидеть над сценарием моей сказки - взрослый-то концерт теперь режиссер готовить будет, а я свою роль выполнила.

...Зря я не слушала Марию Николаевну, которая всегда советовала закрывать дверь в кабинет, уходя даже ненадолго. С первого взгляда, вернувшись, я ничего не заметила, а потом, когда уселась в кресло и пошевелила мышкой, заставляя засветиться экран компьютера, на нем появился вовсе не сценарий, который должен там находиться. На экране была большая картинка-заставка, с изображением двух красивых парней, один из которых держал в руках табличку с надписью: "Любовь, как искупление", а второй: "Жертва, как награда".

Я удивилась, а направив курсор на одного из мужчин, поняла, что обе картинки кликабельны - о, мне предлагают выбрать! Кто же придумал такую игру? И, самое главное, кто засунул ее в мой комп?

Немного поразмыслив, я нажала, конечно же, на любовь, совсем не понимая, при чем здесь "искупление". Экран мигнул яркой вспышкой, а потом на нем появились три таблички: "ты и я", "невероятные фантазии" и "жесткий секс".

Нужно было выбрать снова. Последнее я отмела сразу - стало стыдно и неприятно. Первое - заманчиво, вдруг откроется изображение моего тайного поклонника, но вот второе - заставляло улыбаться и вызывало любопытство.

И я, конечно, нажала на "невероятные фантазии", предчувствуя, что увижу нечто прекрасное и завораживающее. И увидела...

Вроде как картинку из игры, но какую-то странную, пугающую. В темной комнате на кровати лежала девушка, одетая в коротенькую малиновую ночную рубашку. Я не сразу поняла, что руки у нее связаны. И только внимательно всмотревшись, поняла, что девушка с трудом приподнимает голову и посматривает куда-то в сторону входа, а потом начинает бешено извиваться на постели, когда в комнате появляется человек. А человек ли? Страшное существо с рогами и хвостом, покрытое шерстью и с оскаленной пастью. Звука не было, но девушка явно кричала что-то вроде: "Не трогай меня!" А я с ужасом смотрела, как уродливое создание заползает на кровать и резко подминает под себя девушку. Крупным планом было показано, как оно насилует свою несчастную жертву.

Я хотела отключить этот ужас, но, уже потянувшись рукой к мышке, вдруг поняла, что комната мне знакома! Это же... это же моя собственная спальня! Обстановка в точности такая же! И кошмарное действо происходит на моем расстеленном диване - более того, реалистичность игры такова, что я четко вижу мое любимое постельное белье в мелкий красный горошек! Я даже перестала следить за насилием - так была поражена. А потом, когда вновь перевела взгляд на сношающуюся пару, изображение вдруг изменилось, картинка сдвинулась, приближая ко мне голову кричащей и плачущей девушки... Нет, это была, конечно, не я... но очень-очень похожа - и волосы, и просто черты лица - все было точь-в-точь, как у меня!

Закрыв ладонью рот, я попыталась отключить этот кошмар. Но прежде чем на экран вернулся мой сценарий, я увидела еще одну картинку. На сиреновом экране большими оранжевыми буквами было написано: "Режим "Невероятные фантазии" активирован. Повторный выбор невозможен. Игра самоуничтожится через пять минут".

О, мамочки! О, Боже мой! ЧТО. ЭТО. ЗНАЧИТ? Что мне теперь делать? Как домой возвращаться? Кто это сделал? Как мне жить дальше?

Хотелось спрятаться, забиться в норку, залезть в раковину - куда угодно, лишь бы меня никто не видел, и не нашёл этот страшный человек! Только куда? Может, домой под защиту отца поехать?

Спрятаться в моем кабинетике было совершенно некуда, поэтому я, как в детстве, когда играла в прятки со своей младшей сестричкой, встала за штору, прижавшись носом к холодному стеклу. И заплакала... от страха.

И вот тут-то в кабинет зашел ОН. Неужели явился посмотреть на реакцию своей жертвы? И я уже открыла рот, чтобы задать этот вопрос вслух. Но сдержалась, вдруг решив, что это может быть и не Петровский вовсе. И, не подумав, ляпнула откровенную глупость - попросила написать мне письмо. Через тонкую ткань шторы я хорошо видела, как сменяют друг друга эмоции на красивом лице нового режиссера - легкая, мягкая, неопасная улыбка постепенно переходит в нечто непонятное и пугающее - он будто бы готов вцепиться в меня! Точно, это - он! Понял, для чего мне нужен образец его почерка - чтобы сравнить с ним позавчерашнее письмо!

И умом-то я понимала, что здесь, в заполненном людьми доме культуры, он ничего мне не сделает - ни изнасиловать не сможет, ни, уж тем более, убить! Но все равно, выбравшись из-за шторы, начала медленно пятиться к двери, что-то бормоча про Галочку...

Только он вдруг схватил за руку, заставляя замереть от непередаваемого ужаса, и сказал:

- Олеся, простите меня за вчерашнее. Я вас неправильно понял. Больше подобного не повторится. И вам нечего бояться, я вам ничего не сделаю... И напишу, конечно. Что и где?

Ага, напишешь! Ты же сейчас специально писать будешь, как курица лапой! Подделаешь почерк, и все дела! Но деваться-то некуда - выдала, что догадываюсь о его жутких склонностях! Оё-ёй, и комп у него мощный - скорее всего, программа есть для создания подобных роликов! Я снова дернулась к выходу, забыв, что он всё еще держит мою руку в своей и прошипела:

- Отпустите меня немедленно!

- Хорошо. Ладно. Чего вы так? Ну, подумаешь, поцеловал всего лишь. Ничего же такого, предосудительного, не случилось! Просто вы - привлекательная девушка и... ну, не удержался, накатило вдруг... Блядь! Да сам, если честно, в шоке, что подобное мог сотворить! А особенно - что ваше "Раздевайся" расценил именно, как намек на секс!

Я сказала так? Хотя, да! Сказала! Но ведь имела в виду всего лишь, что коня примерить на куртку не получится! Ох, какой актрисе! Я почти поверила умоляющему взгляду и руке, так и не отпустившей, а наоборот, начавшей ласково поглаживать мою, находящуюся в захвате, ладонь.

- Я совсем не это... а хотя, ладно, поняла, допустим! А когда вы приехали в наш город?

Я дергала руку, а он, маньячище такой, словно и не замечал моих попыток вырваться... и смотрел куда-то... куда-то в область шеи! О-о! А если вдруг он ВАМПИР? А что? Вот недавно же роман читала - ну и что, что фэнтези! Вдруг авторам таких произведений запрещают писать "основано на реальных событиях" какие-нибудь адвокаты вампирских кланов?

11 глава. Игорь

Чувствовал, что она боится меня. Непонятно почему, но боится дико. Понимал, не дурак, что нужно отпустить девчонку - она и без того, считает меня маньяком! И не мог. Просто тупо не мог заставить себя разжать руку и выпустить на волю маленькую теплую ладошку. Правую. На которой не было обручального кольца! Что за власть имеет надо мной эта маленькая женщина? Почему понимание того, что она, возможно, не замужем (но не факт, далеко не факт!), приводит меня в восторг! Второй раз в жизни только вижу ее! Да и не супермодель ведь - простая... хотя кто-то вредный в моем мозгу горланил громче, чем я сам думал: "Ничего не простая - красивая, волосы какие... и глаза - яркие зеленые, с крапинками... и шейка, открытая сегодня, такая белая... такая сладкая, наверное... Вот бы потрогать... губами, там, где бешено бьется пульс..."

И я снова завис. Очнулся только, когда увидел в ее глазах слезы.

- Ох, Олесь, ну прости, все отпускаю, отпускаю. Только не убегай сразу, пожалуйста!

Но полные ужаса глаза буквально кричали мне, что, как только я отпущу руку, она убежит со скоростью звука. Так и получилось. А я еще долго стоял и смотрел в окно, на то, как группками, за руку со взрослыми, и просто поодиночке к зданию дома культуры спешат разновозрастные дети.

Теперь бедная Олесь будет бояться меня ещё больше, хотя я ничего плохого и не хотел. И почему она плакала, так и не смог узнать...

Так, Гарик, нужно ведь и делом начинать заниматься! Давай, начинай свое расследование. С чего его начать, вопрос даже не стоял - я заметил еще вчера на входе замечательный такой экземпляр - милую разговорчивую бабушку с седой гулькой на голове. Лучший агент в мире!

Покинув пустой кабинет запуганного мною худрука, я отправился на вахту.

- Игорь Алексеевич, - о как, меня уже и здесь знают! - Вам уже показали, где у нас можно кофе попить?

Ты ж моя золотая!

- Нет, уважаемая...

- Клавдия Иосифовна.

- ...уважаемая Клавдия Иосифовна, никому до меня, бедного, нет дела! Все разбежались по своим кабинетам, как мыши в норы забились. А я тут не знаю даже, где и воды испить не то, что кофе.

- Так пойдемте, я все сейчас покажу, - она с готовностью выскочила из-за своей конторки, на ходу обращаясь к женщине, которая неподалеку мыла полы. - Зиночка, пригляди за вахтой. Я на минуточку.

...- Клавдия Иосифовна, а правда говорят, что у вас тут какой-то домовый живет? - прослушав курс информации об успехах детей и внуков вахтерши, я пошёл в наступление.

- Да нет, конечно, какой-такой домовый! - надо же, а я думал, что данная категория населения, является самой суеверной! - Никаких домовых, точно говорю, нету! А вот полтергейст здесь, да-а, имеется!

- Полтергейст? Настоящий?

- Конечно. Реальный, как моя внучка говорит.

- И как он себя проявляет?

- Да вот ключи постоянно перепутывает. Каждое утро специально помечаю в тетрадочку, какие именно поменялись местами.

- Может, это ребяташки балуются?

- Невозможно это. Вот смотри, Алексеич, - бабуля незаметно перешла на "ты", видимо, почуяв во мне интересного собеседника или родственную душу. - Ключи находятся в специальном шкафу. Шкаф тот замыкается на ключ тоже. А уже он отдаётся на ночь сторожу. Сторожа у нас два, только не они это, точно тебе говорю - дважды им выговоры объявляли, да и недавно они у нас работают - предыдущих именно за это дело-то и выгнали.

- Из-за ключей?

- Из-за них! Я же тебе и говорю, что дело-то серьёзное.

Мне, конечно, казалась, что это - шутки чьего-то изощренного на выдумки мозга. Но вслух я этого говорить не стал.

- А еще что-нибудь случалось?

- Да случалось-случалось. Чего только не было! И костюмы кто-то резал перед выступлением - так мы потом уже за кулисами шили, прямо на актерах. А еще было... да недели три назад... ох, и перепугалась тогда! Пошла я в подвал. У нас там студия, где звуки записывают. Мне нужно было Юрку позвать - мать ему на рабочий позвонила (там же, в подвале, мобилки-то не берут). Иду, значит, а там коридор такой длинный - с одной стороны трубы какие-то, с другой - старые декорации (от спектакля, что Егорка еще ставил - ох, какой спектакль интересный был!). Так вот, иду я и вдруг... Как будто бы вот тут вот, по щеке, кто-то невидимый чем-то мягким таким, приятным провел! Я обернулась...

- А что это вы, Клавдия Иосифовна, не на рабочем месте? Там вас какой-то мужчина спрашивает!

За спиной испугавшейся не на шутку вахтерши появилась Светочка, окинула ревнивым взглядом мою чашку с кофе, любезно заваренным Клавдией Иосифовной, и наполовину съеденный ее же пирожок (безумно вкусный... где же здесь качалка все-таки?), секретарша спросила:

- Проголодались, Игорь Алексеевич?

- Хм, ну-у, я очень неравнодушен к домашней выпечке.

- Наша Клавдия Иосифовна - не только мастерица в этом деле, но и подкармливает тут некоторых, - я проследил за ее взглядом и понял, что имеет в виду Светочка Свиридову, которая с коротко стриженной брюнеткой как раз входила в помещение кафе. - И это, как вы, наверное, заметили, очень плохо отражается на фигуре! Так что с пирожками пора завязывать... и вам тоже.

- Ты так считаешь? - все-таки засунув в рот остатки пирожка, я критически осмотрел свою фигуру, поднимаясь из-за стола, потому что Свиридова, узрев меня, тут же замерла на входе и дернулась было свалить. - Я тут слышал.. случайно, что в нашем ДК есть тренажерный зал. Покажешь?

Светочка расцвела и, подхватив меня под руку, потащила прочь из комнаты.

... На стоянке рядом с моей машиной примостилось нечто маленькое, странного фиолетового цвета и, самое интересное, где-то там, сзади, за этим чудом корейского автопрома, кто-то шепотом ругался, хныкал и что-то ронял прямо на асфальт. Я посмотрел по сторонам, вовсе не желая сейчас копаться в... скорее всего колесах чужого автомобиля, но поблизости никого не было - подзадержался, осваивая тренажеры в совсем неплохом, пусть и маленьком, тренажерном зале дома культуры. Сесть и уехать?

И уже взялся за ручку... уже представил себе, как Светочка ждет меня в своей уютной кухоньке с горячим ужином... И все-таки, забросив вещи и ноутбук в чехле на переднее сиденье и раздраженно хлопнув дверцей, я шагнул малышке "Хендай Гетц".

12 глава. Олеся

Надежды засветло доехать до родительского дома, находящегося от Семикаракорска на расстоянии непреодолимых для меня сейчас пятнадцати километров, растаяли, как мороженое на тридцатиградусной жаре, как только я шагнула к багажнику, чтобы засунуть туда пакет с продуктами - с пустыми же руками к родителям не поедешь, а рядом с работой есть только продуктовый... Колесо было пробито! А если бы я к багажнику не подошла? Ведь с моим "великим" опытом вождения могла и не заметить сразу! А вдруг бы в аварию попала?

Конечно же, сразу мелькнули мысли о моем персональном маньяке. О том, что это - его проделки. В страхе покрутила по сторонам головой, но никого подозрительного не увидела. Может, в дом культуры вернуться? Только там кроме сторожа, и девочек, занимающихся в фитнес-кружке, никого не оставалось, даже тренажерка закрывалась самое позднее в восемь - на помощь звать некого. Я же досиделась! Дождалась! Все никак решить не могла, как поступить и куда обращаться! Потом подумала, что мне прямая дорога к родителям - папа посоветует, что делать дальше и, самое главное, у него могут быть нужные мне сейчас знакомые.

Как менять колесо, в моей автошколе не учили. Запаску-то я вытащила из багажника, домкрат нашла. А что делать дальше - не знала. Хорошо, что в телефоне есть интернет. На видеороликах девушки так мастерски это делали, так легко скручивали гайки, так играюще откатывали колеса, что я радостно и предвкушающе улыбалась, думая, что я сейчас тоже примерно так сделаю. Но не тут-то было!

Может, дело тут было в том, что гайки на моем колесе кто-то приклеил суперклеем? Или, что вероятнее, руки у меня не под это дело заточены (не хотелось думать, что растут не отсюда!) В общем, гайки не поддавались, ключ все время падал на асфальт, издавая при этом мерзкий громкий звук, казалось на весь город. При этом стремительно темнело, и я ужасно торопилась... И когда хлопнула дверца соседней машины, от страха и нервного напряжения буквально села на землю, нервно обнимая пыльное колесо.

- Свиридова! И тут ты! Ну что с тобой на этот раз? Неужто у чужой тачки колеса стереть решила? - шутил Петровский. Но мне-то было вовсе не смешно. Мне было дико страшно. Оказывается, он - хозяин этого огромного монстра на колесах, который сегодня так удачно, как мне тогда показалось, (хотя, блин, все-таки для меня была та черная кошка, для меня!) утром обогнал!

- Нет, - нервно сглотив, выдавила из себя. - Свое колесо на своей тачке поменять хочу.

- А что так? По цвету не подходит? - я так надеялась, что он уже ушел! Я даже видела, как они со Светкой вместе уходили с работы, и говорили о чем-то таком, что готовить на ужин и тому подобное. Ну, как он здесь оказался-то? - Не смотри на меня так, мне страшно от твоего взгляда становится! Да, я вернулся сюда. Съездил домой, взял вещи для спортзала и вернулся, чтобы позаниматься!

Зачем он это говорит? Как будто мне есть дело до его личной жизни! Я оглянулась в поисках каких-либо людей поблизости - страшно было одной находиться с ним рядом. Но, к моему ужасу, никого в обозримом пространстве не было - делай с бедной девушкой, что хочешь, убивай, насилуй - никто и не заметит, и не опознает потом маньяка!

- Ладно, Свиридова, я сегодня добрый. Давай, я тебе помогу, - сделал одолжение!

Может, это ты мне проколол? Я изо всех сил сжала ключ в руках - если что, буду отбиваться! И это, похоже, не укрылось, от взгляда Петровского. Он замер на месте, в примиряющем жесте поднимая вверх руки, как будто сдаваясь.

- Слушай, скажи, только честно, чего ты так меня боишься? Я же ничего... почти ничего тебе не сделал! Ну, мне даже обидно как-то! Всего за один поцелуй так возненавидеть! Тем более, я уже извинился!

И меня прорвало - просто надоело бояться! А может, я чувствовала свое спасение в достаточно тяжелом инструменте, который держала в руках. Кто знает? Только на одном дыхании выпалила:

- То есть только поцелуй? И ничего больше? И письмо с розой не твои? И игра эта жуткая на компе, тоже не твоя? И не на-адо мне говорить, что ты тут не при чем - как только "новый режиссер" показался на пороге дома культуры, со мной стали происходить все эти ужасные вещи!

Я замолчала, с ужасом думая, что он ведь не признается - где это видано, чтобы маньяки там, убийцы всякие, признавались? Но он повел себя странно - остановился, со все также поднятыми руками, и заинтересованно спросил:

- Письмо? Игра? О-о! Это уже интересно! Ваш местный "полтергейст" начал проявлять себя? Давай так. Ты сейчас берешь себя в руки и отходишь от меня на такое расстояние, чтобы тебе не было страшно. Можешь, вообще, на крыльце театра своего постоять. Я быстро меняю колесо, подхожу и там, под камерой, я видел, она там есть - чтобы сторож видел, мы спокойно все обсудим. И я постараюсь тебе объяснить, что я тут не при чем!

Я хотела сказать, что он специально пытается выиграть время, чтобы придумать правдоподобное объяснение, но он опередил:

- Если ты думаешь, что я хочу сейчас возле твоей машины придумать что-нибудь, обмануть тебя - можем пойти сразу туда, на крыльцо. Только потом колесо придется в крошечной темноте менять.

- Пошли сразу, - этот вопрос был для меня важнее, а машину я и здесь могу бросить, если что, такси довезет до родителей.

Торопливо шагая к зданию, я только сейчас почувствовала, что пальцы в сапогах "кусает" мороз, что нос замерз окончательно, а руки меня не слушаются, хоть и спрятаны в перчатки. Ну вот, осталось только заболеть для полного счастья!

Я, действительно, встала на ступеньках у входа так, чтобы меня видно было через камеру (хотя, вдруг дядя Миша спит? Или смотрит телек? Или, вообще, отключил комп, на который выводятся камеры? Или пошел в кафе ужин себе разогревать? Так Свиридова стоп! А-то ты сейчас додумался до того, что Петровский убил дядю Мишу!). Петровский остановился на три ступеньки ниже. Так мы были с ним почти одного роста, и у меня оставался мизерный шанс, в случае чего рвануть к двери и попытаться скрыться от него в здании.

- Рассказывай!

И я рассказала. В подробностях. Выразительно, с подозрением, поглядывая на него. Он внимательно и спокойно смотрел в глаза, и мне даже казалось, что в его взгляде иногда проскальзывает истинный восторг от услышанного! А когда я замолчала, он, подумав немного, сказал:

- Ну, вот смотри. Позавчера, когда ты получила розу и записку, я только вечером приехал в город. Если потребуются, могу тебя прямо сейчас отвести к свидетелям, которые подтвердят, что я был где-то около шести часов (ты примерно в это время же заканчиваешь?) у них дома! И потом, до самой ночи, я один не оставался. Мне просто некогда было и розу вешать на твою дверь, и всю эту галиматью выдумывать, и к тебе какими-то чувствами вспылать. Если же предположить, что я когда-то раньше приехал в ваш город, влюбился в тебя, а сейчас решил вернуться, чтобы добиться взаимности таким странным и, мягко говоря, пугающим способом, то ответь мне на такой вопрос - зачем? Зачем МНЕ так все усложнять? Если бы я захотел, то, давай по-честному, я бы действовал по-другому - пригласил на свидание, поухаживал там, цветы подарил так, чтобы ты точно была уверена, что это именно от меня, а не от кого-то там. Здесь же совершенно другой психотип, здесь - тихий, забытый, закомплексованный идиот, обиженный на жизнь, на баб, на весь мир в целом...

- А ты женат? - сама не знаю, как вырвалось. Но, спросив, подумала, что ответ на этот вопрос многое может объяснить.

- Не-е-ет. А что это меняет?

- А был женат?

- Был. Ну и что?

- Вот, может, и разочаровался в женщинах! А теперь таким вот неординарным способом поднимаешь свое либидо.

13 глава. Игорь.

- Что, прости? Что я поднимаю? Бля-я-ядь! Свиридова, ты в своем ли уме? Да у меня все работает, ты не сомневайся. Я бы сейчас предложил, конечно, тебе проверить это, но в свете последних событий, лучше воздержусь...

Либи́до, говоришь? Мои-то сексуальные влечения и без этой фигни на высоком уровне, как и возможности, как и воплощение их в жизнь! Но сама ситуация! Это же мечта просто для меня, как журналиста! Вот вдруг дело о серийном маньяке распутаю? Не по профилю, правда, но ЕСТЬ, есть у меня выходы в издательство одно... там-то, как раз, расследованиями подобного рода и занимаются! А что, откроюсь с совершенно другой стороны - хватит уже под папочкиным крылышком сидеть! Об этом я думал, пока она рассказывала. Но потом, когда замолчала, вдруг появились совершенно иные мысли - ей же, наверное, ужас как страшно! Ключ-то баллонный, в руках до сих пор сжат так, что, наверное, пальцы к нему намертво примерзли! Бедная, бедная, маленькая, рыжая девочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.